

ШКОЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ:

*мой
урок
литературы*

УДК 821.161.1–94
ББК 84(2Рос=Рус)6–44
Ш67

Серия «Народная книга»

Редактор–составитель *Елизавета Королева*

Кураторы проектов

«Я вырос на уроках литературы. Контакт поколений»
и «Народное сочинение» *Ольга Прохорова, Екатерина Латыпова*

Координатор проекта «Народная книга» *Владимир Гуга*

Модератор сайта проекта «Народная книга» *Георгий Гугин*

Руководитель проекта «Народная книга» *Владимир Чернец*

Интернет–поддержка проекта

«Народная книга» *Татьяна Майорова*

Фотографии для обложки предоставлены ФГУП МИА «Россия сегодня»

Ш67 **Школьные воспоминания:** мой урок литературы. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Народная книга).

ISBN 978–5–17–105874–6.

Сборник «Школьные воспоминания: мой урок литературы» выходит в рамках серии «Народная книга» и составлен из историй, присланных на всероссийский конкурс «Я вырос на уроках литературы... Контакт поколений». Мы предложили четырем поколениям россиян поделиться воспоминаниями об уроках литературы, учителях, героях и произведениях. Эта книга — увлекательнейшее путешествие в глубь нашей юности. На данном материале мы можем проследить, что общего у 4–х поколений: от детей 50–х годов XX века (поколения В, X, Y) до детей века XXI–го (поколение Z).

Также в сборник вошли воспоминания и рассказы известных писателей: Дарьи Донцовой, Сергея Носова, Дениса Драгунского, Людмилы Петрановской, Мастера Чэнь, Дмитрия Силлова, Александра Мелихова, Анны Матвеевой, Евгения Бунимовича.

И лучшие сочинения на тему «Мои уроки литературы» всероссийской Акции «Народное сочинение», которая впервые прошла в Библионочь 2017 года. Оба проекта были организованы Издательской группой «Эксмо–АСТ» и корпорацией «Российский учебник».

УДК 821.161.1–94
ББК 84(2Рос=Рус)6–44

ISBN 978–5–17–105874–6.

© Авторы, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выражаем благодарность

*авторам и писателям Издательской группы «Эксмо-АСТ»,
предоставившим личные истории и фотографии для книги,
экспертам «педсовета» проекта
«Я вырос на уроках литературы... Контакт поколений»:*

Председателю экспертного совета проекта,
Вице-президенту по стратегическим коммуникациям
и развитию корпорации «Российский учебник»

Артему Симоновичу Соловейчику,

Заслуженному учителю РФ, поэту, публицисту
и уполномоченному по правам ребенка в Москве

Евгению Абрамовичу Бунимовичу,

Заслуженному учителю РФ, доктору педагогических наук,
член-корреспонденту РАО
и директору Центра образования № 109

Евгению Александровичу Ямбургу,

Заслуженному учителю РФ, учителю русского языка
и литературы гимназии №1567 (Москва)

Льву Иосифовичу Соболеву,

Председателю «Гильдии словесников», учителю литературы

Сергею Александровичу Волкову,

Литературоведу, публицисту, телеведущему и писателю

Александру Николаевичу Архангельскому,

Заведующему отделом развития Государственного музея А.Н.Толстого,
журналисту

Фекле Толстой,

Ректору Литературного института имени А.М. Горького,
члену Президиума Совета по культуре
и искусству при Президенте Российской Федерации,

Алексею Николаевичу Варламову,

Главному редактору портала Грамота.ру

Владимиру Пахомову,

Советскому и российскому педагогу
и психологу, автору гуманной педагогики

Шалве Александровичу Амонашвили,

Учителю русского языка и литературы,
автору пособий по русскому языку и литературе

Надежде Ароновне Шапиро,

Учителю словесности

Людмиле Печатниковой,

Доктору педагогических наук, профессору МПГУ,
автору учебников по литературе

Елене Альфредовне Ерохиной,

Литературоведу, доктору филологических наук, профессору Института
стратегии развития образования РАО, автору учебников по литературе

Борису Александровичу Ланину,

и нашим партнерам за помощь в популяризации книги:

Министру Правительства Москвы

Руководителю Департамента культуры города Москвы

Александру Владимировичу Кибовскому,

Специальному представителю Президента Российской Федерации
по международному культурному сотрудничеству

Михаилу Ефимовичу Швыдкому,

Генеральному директору корпорации «Российский учебник»

Александру Валерьевичу Брычкину,

Директору по цифровым коммуникациям
и развитию корпорации «Российский учебник»

Екатерине Латыповой,

Президенту Фонда
и Международного конкурса чтецов «Живая классика»

Марине Смирновой,

Информационному Агентству России ТАСС
и лично **Алексею Литвякову,**

Межгосударственной телерадиокомпании «МИР»
и лично руководителю Службы интернет-вещания **Марии Чегляевой,**

Издательскому Дому «Комсомольская правда» и лично **Олегу Жданову,**

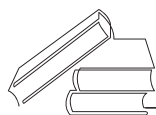
Главному редактору электронного СМИ «Педсовет»

Сергею Сафронову,

МБУК Дмитровской центральной межпоселенческой библиотеке
и лично **Анне Шаховой,**

Онлайн-изданию об образовании «Мел»,
Директору фонда «Тотальный диктант» **Ольге Ребковец,**

Учителю русского языка и литературы **Елене Нечаевой.**

Предисловие

Опыт взросления на уроках литературы есть у каждого из нас — и тех, кто ходит в школу сейчас, и тех, чьи школьные годы пришлись на времена СССР. Согласно школьной программе, за 11 школьных лет современный ученик проводит на уроках литературы 2140 часов, то есть около 6 лет, если считать по уроку в день. Это огромный пласт жизни! И хотя мир в последние десятилетия меняется стремительно, школьная программа по литературе, основанная на классических произведениях, остается практически неизменной, объединяя все поколения нашей страны.

Тем более интересно, как от поколения к поколению меняется восприятие классических произведений? Как разное отношение к одним и тем же литературным героям определяет особенности взросления каждого поколения, какими помним мы наших учителей литературы — проводников в мир взрослых отношений?

И, возможно, на пересечении личных историй об уроках литературы мы найдем ответ на очень важный вопрос: какие произведения классической русской литературы должны во что бы то ни стало сохраняться в программе

современной школы, чтобы культура смыслов передавалась от поколения к поколению, чтобы для каждого подростка литература становилась фундаментом утвердительной взрослой жизни? И, самое главное, чтобы уроки литературы не отворачивали детей от книги, а, перефразируя Марк Твенское «Школа не должна мешать образованию», прививала любовь к чтению и русскому языку.

Эта книга — увлекательнейшее путешествие вглубь нашей юности. По рассказам можно проследить любовь к книге «жителей» разных эпох — четырех поколений детей: от детей 50-х годов прошлого века до детей нашего двадцать первого века.

*Председатель экспертного совета проекта
«Я вырос на уроках литературы... Контакт поколений»,
Вице-президент по стратегическим коммуникациям
и развитию корпорации «Российский учебник»
Артем Симонович Соловейчик*

Я вырос на уроках литературы

Контакт поколений (В-Z)

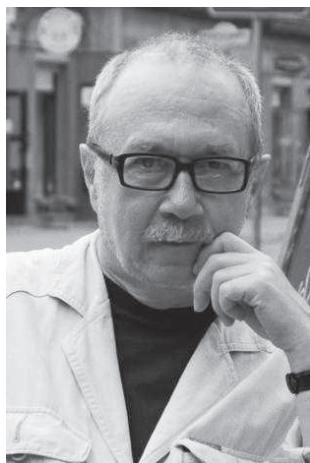
Все истории, присланные для участия в конкурсе «Я вырос на уроках литературы... Контакт поколений» и других конкурсов проекта «Народная книга» читайте здесь: <http://nk.ast.ru/>

Приглашаем всех поделиться своими историями и принять участие в наших конкурсах!

Москва
Издательство АСТ

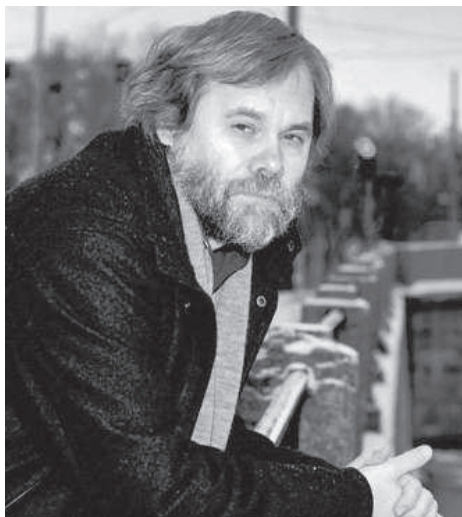

Александр Мелихов

Денис Драгунский

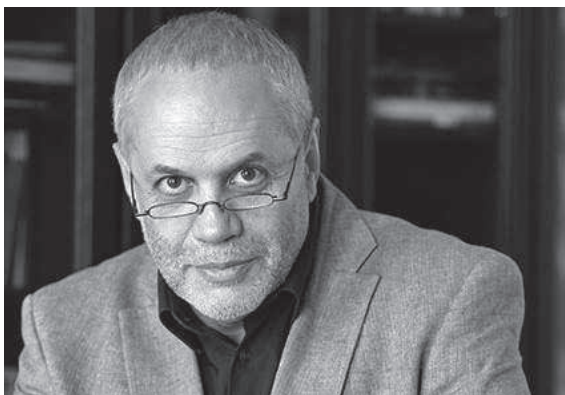
Сергей Носов

Дарья Донцова

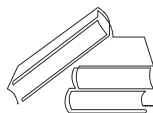
Евгений Бунимович

ПОКОЛЕНИЕ
**BABY
BOOMERS**

Мастер Чэнь

УРОКИ ЛИТ-РЫ И КОЕ-ЧЕГО ЕЩЕ

Понять, чем были уроки литры в средней школе им. И.В. Сталина, где я начинал свою социальную жизнь, невозможно вне гораздо более обширных декораций.

Итак, шахтерский поселок среди щебенчатой казахстанской степи, поросшей жесткой травкой, на которой не поваляешься без рубашки. Домишки и бараки стоят на слоеном камне; среди них понатыканы башни копров, торчащих в основном на уже выработанных шахтах, однако их продукцией — горами щебенки — завалена половина поселка. Двухэтажных домов четыре — райкомисполком, клуб, поликлиника и школа. Одно это уже придает ей авторитет.

Со второго этажа на первый ведет деревянная лестница, крашенная коричневой «половой» краской; перила размечены деревянными брусочками, чтобы отбить охоту по ним кататься, поэтому школьники просто носятся вверх-вниз, по какому-то наитию заранее расступаясь перед величественной фигурой императрицы — это Генриетта Францевна спускается в учительскую, держа величаво, будто скипетр, классный журнал, на котором покоится стопка тетрадей и чернильница-непроливайка. Урок, который она нам давала, не прекращался и за пределами класса, — это был урок достоинства.

Среди нашей немногочисленной интеллигенции был изрядный процент ссыльных, то есть все

они попали в нашу дыру из дыр в результате какой-то жизненной катастрофы — и решительно все отличались подчеркнутым достоинством даже в одежде среди кирзовых сапог и «куфаек», полностью опровергая недобрую и, пожалуй, даже подловатую шутку, что при Сталине половина сидела, а половина тряслась. Разумеется, все они привыкли жить в напряжении под дамокловым мечом нового ареста, но выражалось оно у них не в суетливости или заискивании, а в утрированном аристократизме. И уроки Генриетты Францевны были уроками еще и аристократизма. Даже не самые умные чувствовали, что Тургенев и Пушкин — это почему-то очень серьезно, что мир каким-то образом делится на сакральное и профанное, и литература принадлежит миру сакрального. Разумеется, никто таких слов не произносил и даже не знал, но чувствовали все. А самые романтические даже любили и ждали этой возможности погрузиться в атмосферу возвышенного, — иными словами, аристократы готовили аристократов.

А Мария Зиновьевна была совсем другая. Можно было бы сказать: своя в доску, если бы в плечистом пиджаке, в ореоле строго уложенной косы не ощущалось, что и она пришла сюда не развлекаться. Хотя на ее уроках всегда было весело, а наглеть никому не приходило в голову, потому что совершенно незачем, всем и так было хорошо. А когда мы начинали читать вслух по очереди, начиналось что-то вроде артистического состязания, и Мария Зиновьевна первая выражала восторг, а неудачные выступления отмечались исключительно тем, что она восторга не выражала. До сих пор стоит в ушах мертвая тишина, когда самая чувствительная девочка читала об утоплении Муму, а в глазах — как Мария Зиновьевна поежилась при словах: «Две тя-

желые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая — во щи».

Словом, это были уроки жизни — радостей, горестей и примирения в дружбе.

Но не знаю, хватило ли бы отзывчивости Марии Зиновьевны, если бы ей понадобилось восторгаться романами «Мать» и «Молодая гвардия». Там, конечно, тоже можно было найти несколько живых фигур и сцен, но ведь читать в старших классах полагалось не для суетных наслаждений, а для извлечения банальностей: бедные хорошие, богатые плохие, советские люди хорошие, фашисты плохие...

Впрочем, в этом никто и не сомневался, но ради этого мусолить целый том... Я к тому времени, к старшим классам уже учился в областном городе и вполне овладел социальными навыками: блатным нельзя смотреть в глаза, на уроках нельзя говорить, что думаешь. И даже не из одного лишь чистого страха — из понимания, что тебя ждет какая-то другая стезя, для которой и нужно приберечь силы. И даже, пожалуй, из брезгливости: не трожь этого самого, оно благоухать не будет.

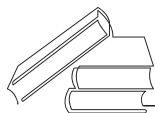
Последним, пожалуй, сильным впечатлением была ночь перед выпускным экзаменом. Я к тому времени перешел в заочную школу, чтобы закончить за один год два класса, — так хотелось поскорее влиться в прекрасную студенческую жизнь, — и учились там со мной заведующие гаражами и мастерскими, которым для укрепления в должности требовался аттестат, а также домохозяйки, которым он, возможно, был нужен для красоты или самоуважения. Так что знаниями нам не докучали, достаточно было хоть что-то изобразить на зачетах, ибо если бы нас начали спрашивать хоть сколько-нибудь серьезно, то лавочку пришлось бы закрыть.

Но все-таки перед экзаменом я решил хотя бы проглядеть «Войну и мир» — про что хоть там, как зовут героев, кто на ком женился, кого убили и тому подобное. Принимаюсь читать — скука неправдоподобная, да еще и по-французски. Начинаю перелистывать по три страницы сразу — все та же скука. Перелистываю по пять — того не легче. По двадцать — все то же, ни одного живого слова не мелькнет, ни одного события — даже и война скучна, как медицинская карта. И я понял, для чего нас заставляют учить не просто литературу скучноватую, каковой она в большинстве и является, но САМУЮ ЧТО НИ НА ЕСТЬ ТЯГОМОТНУЮ — С ЕДИНСТВЕННОЙ ЦЕЛЮ НАС УНИЗИТЬ: а вот вы и это будете хвалить!

Блатные иногда тоже такое проделывали, чтобы народ не распускался: могли бросить скомканную бумажку и приказать — подними! Или заставить измерять ширину улицы спичечным коробком, — «Война и мир» и «Мать», уверился я, из того же разряда. Урок литературы — это был урок покорности.

Но через каких-нибудь два года, окончив второй курс, я сунул том «Войны и мира» в рюкзак, отправляясь путешествовать автостопом — чтобы не прочесть слишком быстро, — и оторопел: такая мощь зазвучала в этом суровом голосе, такая галлюцинаторно-величественная картина открылась моему так называемому внутреннему зору, что мне приходилось каждые полминуты отрываться от чтения, чтобы проверить, сохранилась ли еще наша серенькая реальность?..

Мораль? Не надо впихивать гениальные книги слишком рано — на «Хаджи-Мурата» меня бы скорее всего хватило...

БЫЛ НА ВСТРЕЧЕ ОДНОКЛАССНИКОВ

Обнимались, веселились, выпивали и закусывали. Вспоминали разные смешные случаи. И вот в числе прочего вспомнили одну презанимательную историю, в некотором смысле целую педагогическую поэму.

Однажды нас — наши два класса, «А» и «Б», — повели в театр.

Это было примерно в 1966 году. То есть мы были в восьмом классе.

Там, конечно, были не только мы. Там были школьники со всей Москвы — какое-то общегородское мероприятие.

Правда, вчера мы никак не могли вспомнить, что это был за спектакль. Кажется, «Вишневый сад» в Театре имени Ленинского Комсомола. Или что-то другое. Но тоже очень классическое.

Ну, неважно.

Важно другое: юные зрители — в том числе и наши ребята — вели себя просто ужасно. Самые паиньки зевали и перешептывались. Остальные громко смеялись, кидались бумажками, делали из программok бумажных голубей и пускали их с балкона в зал. А в партере их кто-то ловил и бросал дальше.

Бедные актеры едва дотянули спектакль до финала.

Хлопали, впрочем, громко и искренне — очевидно, ребята радовались, что все кончилось, можно встать, размяться и пойти домой.